Валюты силы: конвертационная теория миропорядка и его трансформации

Безкади Фади
к-т полит. наук, кафедра политических наук, Уральский гуманитарный институт. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступает главная нерешённая проблема современной теории международных отношений, то есть природа трансформации миропорядка. Дисциплина фиксирует упадок гегемона без военного поражения, возвышение претендентов без выравнивания потенциалов и утрату объяснительной силы самим понятием полярности, но не располагает теорией, выводящей эти аномалии из единого механизма. Цель работы состоит в построении такой теории. Методология включает аксиоматическую реконструкцию понятия силы, формулировку законов конвертации её форм, выведение теорем и проверку теории на двух эмпирических корпусах, то есть на системной динамике постуниполярного периода и на сирийской арене российско-американского соперничества. Результаты работы состоят в следующем. Сила в международной политике существует не как единая субстанция, а как множество взаимно неконвертируемых напрямую валют, то есть военной, экономической, институциональной и символической. Миропорядок предложено понимать не как распределение возможностей, а как режим конвертации, то есть устойчивую систему курсов, по которым валюты силы обмениваются друг на друга и на политические результаты. Гегемония в этой оптике есть не превосходство в активах, а позиция эмитента, то есть способность устанавливать курсы для всей системы. Сформулированы четыре закона, а именно законы множественности валют, эмитента, курсового арбитража и курсового кризиса. Научная новизна состоит в том, что предложена теория, в которой трансформация миропорядка концептуализирована как валютный кризис системы. Активы держав сохраняются, но курсы их конвертации обрушиваются, что объясняет упадок без поражения, возвышение без паритета и хаотизацию без войны. Однополярный момент реинтерпретирован как режим фиксированных курсов силы, а полицентричность реинтерпретирована как переход к плавающим курсам с присущей ему волатильностью. Теория операционализирована матрицей конвертации и пятью опровержимыми предсказаниями. Область применения результатов охватывает теорию международных отношений, анализ трансформации миропорядка и стратегическое планирование великих держав. Основной вывод состоит в том, что в эпоху плавающих курсов силы выигрывает не держава с наибольшими активами, а держава с наилучшей позицией в системе конвертации. Борьба за миропорядок есть борьба за право устанавливать курсы, а не за сами активы.

Ключевые слова: миропорядок, трансформация миропорядка, валюты силы, конвертация силы, гегемония, полярность, курсовой кризис, полицентричность, символическая власть, российско-американское соперничество.

Введение: три аномалии одного процесса

Теория международных отношений оказалась в положении, которое сама же и задокументировала. Три эмпирических констатации последних десятилетий признаны почти консенсусно, и ни одна не имеет теоретического объяснения. Первая аномалия состоит в том, что гегемон слабеет без поражения. Упадок решающей роли США в мировых делах фиксировался задолго до любых военных неудач сопоставимого масштаба [1; 2]. Вторая состоит в том, что претенденты возвышаются без паритета. Государства, многократно уступающие лидеру по совокупным активам, приобретают влияние и статус, которых их потенциалы не должны были бы обеспечить [3; 32]. Третья состоит в том, что сама полярность перестала работать как понятие. Р. Хаас описывает бесполярность [5]. Р. Швеллер описывает энтропию, в которой полярные категории теряют смысл [6]. И. Бреммер описывает мир без лидера [7]. Дисциплина отвечает на аномалии умножением ярлыков переходности. Настоящая статья отвечает теорией. Её исходный ход прост. Все три аномалии суть симптомы одного процесса, невидимого для теорий, которые мыслят силу как единую субстанцию. Если же сила существует как множество валют с курсами обмена, аномалии складываются в знакомую картину. Это картина валютного кризиса. Гегемон слабеет без поражения, потому что обрушились курсы его валют, а не их запасы. Претенденты возвышаются без паритета, потому что играют на курсовых разницах. Полярность не работает, потому что считает активы в эпоху, когда решают курсы. Статья строит эту теорию с оснований. Это аксиомы, законы, теоремы, измерение, проверка и условия опровержения. Теория предлагается как общая теория миропорядка и его трансформации.

1. Чего не видят теории порядка

Существующие теории порядка делятся по ответу на вопрос, что распределяется в системе. Структурный реализм распределяет возможности. Порядок есть функция их конфигурации [8; 9]. Теория гегемонистской стабильности и циклов распределяет лидерство. Порядок создаётся преобладающей державой и умирает с ней [10; 11]. Транзитологическая линия связывает смену порядка с выравниванием потенциалов и наталкивается на документированные несоответствия этой связи [33]. Институционалистская линия распределяет правила. Порядок есть архитектура режимов, способная пережить своего создателя [12; 13]. Все три семейства разделяют молчаливую предпосылку. Сила, лежащая в основании порядка, однородна и потому суммируема, то есть её можно взвесить и сравнить. Между тем именно эта предпосылка опровергнута эмпирически. Военное превосходство систематически не конвертируется в политические результаты. Экономическая мощь не покупает статуса. Институциональное первенство не удерживает легитимности [2; 14]. Дисциплина давно знает составную природу силы, от классических различений до концепции мягкой силы [15; 16; 39]. Тезис о нефунгибельности силы сформулирован прямо и обоснован детально [35]. Наиболее близко к предлагаемой теории подошла концепция структурной власти, различающая четыре структуры мировой политики с несводимыми друг к другу основаниями господства [36]. Многомерная типология власти в международных отношениях также фиксирует несводимость форм [38]. Однако составность признаётся на уровне описания и не переносится на уровень теории порядка. Порядок по-прежнему мыслится как ранжирование по совокупной мощи, а обменный механизм между формами силы остаётся нетеоретизированным. Недостающий шаг очевиден, и его подготовила социология. П. Бурдьё показал, что капиталы, то есть экономический, культурный и символический, не сводимы друг к другу, что между ними существуют курсы конвертации и что борьба за господство есть прежде всего борьба за эти курсы [17; 37]. М. Вебер различил порядки власти, престижа и богатства как самостоятельные иерархии [18]. Перенос этого аппарата на межгосударственный уровень, с дисциплинирующими правилами и проверяемыми следствиями, и составляет предлагаемую теорию.

2. Центральные понятия: валюты, курсы, режим конвертации

Валюта силы есть класс ресурсов влияния с собственной логикой накопления и собственной сферой прямого действия. Базовая

номенклатура четырёхвалютна. Военную валюту образует способность разрушать и защищать. Она накапливается арсеналами и опытом. Прямо она действует на поле боя [9]. Экономическую валюту образует способность производить и лишать благ. Она накапливается ростом и связями. Прямо она действует в обмене [19; 20]. Институциональную валюту образует способность создавать правила и процедуры. Она накапливается членствами, форматами и правом вето. Прямо она действует в организациях [12; 21]. Символическую валюту образуют признание, статус и легитимность. Она накапливается перформансом перед аудиториями. Прямо она действует в поле оценок [4; 22]. Курс конвертации есть эмпирическое отношение, по которому единица одной валюты обменивается на другую или на политический результат за пределами своей сферы. Курс отвечает на вопрос, сколько военного присутствия покупает единицу статуса и сколько экономического давления покупает единицу уступки. Курсы наблюдаемы именно потому, что конвертация происходит ежедневно и её результаты фиксируемы [3; 23]. Миропорядок есть режим конвертации, то есть устойчивая система курсов, признаваемая основными держателями валют. Порядок, следовательно, отвечает не на вопрос, у кого сколько силы, а на вопрос, почём здесь сила, то есть по какому курсу каждая её форма обменивается на результаты.

3. Аксиоматика

Первая аксиома гласит, что сила множественна. Не существует единой субстанции мощи. Существуют валюты с несовпадающими логиками накопления [15; 17; 35]. Вторая аксиома гласит, что валюты не действуют за пределами своей сферы без конвертации. Авианосец не голосует в Совете Безопасности. Профицит бюджета не сбивает ракет. Статус не кормит. Всякое влияние вне родной сферы валюты опосредовано обменом [14; 16]. Третья аксиома гласит, что конвертация всегда осуществляется по курсу, и курс всегда с потерями. Обмен валют силы не бывает ни свободным, ни паритетным. Он требует посредников, аудиторий и времени, и на каждом шаге часть стоимости теряется [17; 22]. Четвёртая аксиома гласит, что курсы суть социальные факты. Они держатся на признании держателей валют, а не на природе ресурсов, и потому могут меняться без какого-либо изменения самих активов [18; 24]. Из аксиом следует определение предмета. Теория миропорядка есть теория режимов конвертации, то есть их установления, поддержания, эксплуатации и краха.

4. Четыре закона конвертации

Первый закон есть закон множественности. Совокупная мощь державы не существует как операциональная величина. Существует её валютный портфель и позиции этого портфеля при действующих курсах. Отсюда следует, что всякий рейтинг держав по суммарной силе содержит скрытое допущение о курсах, и именно это допущение, а не подсчёт активов, определяет итог ранжирования [6; 8; 35]. Второй закон есть закон эмитента. В каждом режиме конвертации существует позиция эмитента, то есть держателя, чья валюта служит мерой остальных и кто вследствие этого устанавливает курсы для системы. Гегемония есть позиция эмитента, а не размер портфеля. Послевоенный порядок был порядком, в котором американские институциональная и символическая валюты выполняли функцию резервных, и все прочие силы измерялись через них [10; 12]. Отсюда следует вывод, переворачивающий привычную аналитику упадка. Эмитент теряет порядок не тогда, когда его активы сокращаются, а тогда, когда его валюту перестают принимать в качестве меры [1; 13]. Третий закон есть закон курсового арбитража. Там, где курсы одной и той же пары валют различаются между аренами или аудиториями, возникает арбитраж. Актор покупает результат там, где он дёшев, и продаёт там, где он дорог. Восходящие державы суть системные арбитражёры. Не имея возможности конкурировать портфелем, они конкурируют операциями, то есть находят арены, где малая военная валюта конвертируется в большую символическую, и аудитории, где признание продаётся дешевле, чем на площадках эмитента [3; 4]. Отсюда следует, что интенсивность великодержавного соперничества концентрируется не там, где сосредоточены активы, а там, где максимальны курсовые разницы, то есть на периферийных аренах с плотными аудиториями [23; 25]. Четвёртый закон есть закон курсового кризиса. Режим конвертации умирает не от истощения активов, а от краха доверия к курсам. Когда держатели валют перестают признавать установленные курсы, то есть когда военное превосходство перестаёт покупать уступчивость, а институциональное первенство перестаёт покупать легитимность, система переходит от фиксированных курсов к плавающим. Трансформация миропорядка и есть этот переход. Отсюда следует единое объяснение трёх аномалий введения. Упадок без поражения есть девальвация валют эмитента при сохранности его активов [1; 2]. Возвышение без паритета есть прибыль арбитражёров на волатильных курсах [3]. Отказ полярности есть неизбежная слепота актив-центричной метрики в эпоху, когда вся динамика сосредоточена в курсах [5; 6]. Однополярный момент был Бреттон-Вудсом силы. Наступившая полицентричность есть эпоха плавающих курсов, с присущими ей волатильностью, региональными валютными зонами и конкуренцией за право эмиссии [7; 26].

5. Теоремы

Первая теорема касается непокупаемой победы. Военная валюта, применённая на арене без конвертационной инфраструктуры, то есть без аудиторий, признающих результат, и институтов, фиксирующих его, производит разрушение, но не результат. Выигранная кампания остаётся неконвертированной наличностью [14; 27]. Вторая теорема касается дешёвого статуса периферии. Отношение цены статуса к военным затратам минимально на аренах, где присутствие великих держав редко, а аудитории плотны. Поэтому рациональный арбитражёр приобретает статус на периферии, а не в центре системы [23; 25]. Третья теорема касается транзакционного стиля как симптома. Массовый переход дипломатии к логике сделки, то есть к прямому размену валют в каждом эпизоде, есть поведенческий маркер плавающих курсов. При фиксированных курсах размен не нужен, ибо ставки известны заранее [24; 28]. Четвёртая теорема касается сопряжённых рынков. Устойчивые контуры, в которых две валюты конвертируются друг в друга циклически, как нефтяные доходы в вооружения и вооружения в контроль над нефтью [34], образуют инфраструктуру курса. Поэтому они являются стратегическими объектами первого ранга. Кто управляет контуром, тот устанавливает локальный курс [19; 29]. Пятая теорема касается предела эмиссии. Эмитент, расходующий резервную валюту на принуждение собственных держателей, то есть конвертирующий институциональное первенство в одностороннее давление, ускоряет отказ от своей валюты. Каждое принудительное применение резервной валюты снижает готовность системы её держать [13; 20].

6. Проверка: системный корпус и сирийская арена

Теория проверяется на двух уровнях. На системном уровне постуниполярная динамика демонстрирует предсказанную четвёртым законом последовательность. Активы эмитента сохранялись, тогда как принятие его курсов последовательно сокращалось. Претенденты создавали параллельные институциональные площадки, то есть собственные банки, форматы и клубы, что представляет собой альтернативную эмиссию [21; 26]. Семантика мировой политики массово переходила к транзакционному словарю сделки [24; 28]. Ни один из этих процессов не сопровождался соразмерным перераспределением активов, что несовместимо с актив-центричными теориями и прямо следует из курсовой. На аренном уровне сирийский случай даёт чистый эксперимент арбитража. Держава с малым портфелем применила ограниченную военную валюту на периферийной арене с максимальной плотностью аудиторий и конвертировала её в статус глобального игрока, постоянное присутствие и позицию соархитектора урегулирования [23; 27; 30; 31]. Держава с крупнейшим портфелем на той же арене продемонстрировала первую теорему. Её военная валюта, не подкреплённая конвертационной инфраструктурой признания, осталась неконвертированной [14; 31]. Курсовая асимметрия, а не ресурсная, объясняет исход. Она объясняет его и количественно правдоподобно, поскольку соотношение затрат и статусных приобретений сторон отклоняется от любых актив-центричных предсказаний на порядок [3; 27].

7. Операционализация: матрица конвертации

Теория доводится до измеримой формы. Для каждой державы кодируется валютный портфель по четырём валютам стандартными индикаторами. Это военные расходы и развёрнутые возможности, ВВП и торговые связи, членства, форматы и блокирующие позиции, а также индикаторы признания, то есть статусные номинации, приглашения и посреднические мандаты [4; 22]. Ядро измерения обра-

зует матрица конвертации. Для пар «валюта и результат» на скользящем окне оценивается эмпирический курс как отношение вложенной валюты к полученному результату на сопоставимых эпизодах. Такая процедура следует принятой в дисциплине логике измерения конвертируемости ресурсов в исходы [39]. Режим конвертации операционализируется дисперсией курсов. Фиксированный режим даёт низкую межаренную и межвременную дисперсию, а плавающий даёт высокую. Из теории следуют пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что дисперсия курсов конвертации должна расти на протяжении постуниполярного периода. Её стабильность опровергает диагноз курсового кризиса. Второе состоит в том, что статусные приобретения держав должны предсказываться их арбитражными позициями, то есть разницей курсов между аренами присутствия, лучше, чем размерами портфелей. Превосходство портфельного предиктора опровергает закон арбитража. Третье состоит в том, что эпизоды принудительного применения институциональной валюты эмитентом должны сопровождаться на следующем окне измеримым ростом альтернативной эмиссии, то есть созданием обходных площадок. Отсутствие связи опровергает пятую теорему. Четвёртое состоит в том, что интенсивность великодержавного соперничества по аренам должна коррелировать с межаренными курсовыми разницами, а не с концентрацией активов. Обратное соотношение опровергает следствие третьего закона. Пятое состоит в том, что доля транзакционной семантики в дипломатическом дискурсе должна расти с дисперсией курсов. Её независимость опровергает третью теорему. Проверка возможна на корпусе арен великодержавного присутствия и корпусе стратегических документов [8; 25].

8. Место теории и ответы на возражения

Предвидим четыре возражения. Первое возражение гласит, что нефунгибельность силы известна. Она известна как оговорка, но не как теория. Дисциплина признаёт множественность силы [35; 38] и продолжает строить теории порядка на её суммируемости. Предлагаемая теория делает нефунгибельность аксиомой и извлекает из неё законы. В этом состоит различие между оговоркой и основанием. Второе возражение гласит, что это метафора рынка, уже третья в литературе. Это не так. Рыночные модели статуса и урегулирования описывают обмен внутри одной валюты. Конвертационная теория описывает обмен между валютами и потому логически первична. Внутривалютные рынки суть её частные случаи, работающие при данных курсах. Меняется масштаб. Речь идёт не о рынке внутри порядка, а о порядке как системе курсов между рынками. Третье возражение гласит, что предлагаемая теория есть структурная власть С. Стрэндж под другим именем. Различие проходит по двум пунктам. С. Стрэндж различает четыре структуры мировой политики, то есть безопасность, производство, финансы и знание, и показывает, что власть в них несводима одна к другой [36]. Это соответствует первому закону предлагаемой теории. Однако структурная власть описывает, кто задаёт условия внутри каждой структуры, тогда как конвертационная теория описывает обменный механизм между структурами и вводит для него законы движения. Второе различие касается динамики. У С. Стрэндж структуры устойчивы, и трансформация порядка выводится из смены их держателей. В предлагаемой теории структуры сохраняются, а меняются курсы обмена между ними, что и объясняет упадок без потери активов. Четвёртое возражение гласит, что курсы ненаблюдаемы. Ответ дан матрицей выше. Курс есть отношение наблюдаемых затрат к наблюдаемым результатам на сопоставимых эпизодах, и его оценка методологически не сложнее оценки военного баланса. Она лишь непривычна. Отношение к традициям определяется формулой. Реализм есть теория военной валюты. Политэкономические подходы суть теория экономической валюты. Институционализм есть теория институциональной валюты. Конструктивизм есть теория символической валюты. Каждая истинна в своей сфере и нема в вопросе о курсах между сферами. Конвертационная теория не заменяет их. Она их соединяет, занимая единственную пустующую позицию, то есть позицию теории самого обменного механизма.

Заключение

Статья предложила теорию, в которой миропорядок концептуализирован не как распределение, а как режим конвертации, то есть система курсов, по которым валюты силы обмениваются на результаты. Четыре закона, то есть законы множественности, эмитента, арбитража и курсового кризиса, объяснили единым механизмом три главные аномалии эпохи. Это упадок гегемона без поражения, возвышение претендентов без паритета и отказ полярной метрики. Пять теорем связали системную теорию с наблюдаемой практикой, от бесплодных военных побед до транзакционного стиля дипломатии. Двухуровневая проверка показала соответствие и системной динамике, и аренному случаю. Практическое следствие обращено к стратегам всех столиц. В эпоху плавающих курсов силы наращивание активов без управления курсами есть накопление валюты, которую завтра могут перестать принимать. Рациональная стратегия инвестирует в три вещи сразу, то есть в портфель, в конвертационную инфраструктуру и в позицию в системе эмиссии. Исследовательская программа очевидна. Она включает построение матриц конвертации для ключевых держав, проверку пяти предсказаний и историческую калибровку теории на прежних сменах режимов конвертации. Если программа выдержит проверку, теория миропорядка получит то, что экономика получила с отделением цены от стоимости. Это способность объяснять кризисы, в которых ничего не исчезло, кроме согласия о том, что чего стоит.

Литература

1. Wallerstein, I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York: The New Press, 2003. P. 27.
2. Zakaria, F. The Post-American World: Release 2.0. New York: W. W. Norton & Company, 2011. P. 88, 218.
3. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, iss. 4. P. 63–95.
4. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W. C. Introduction // Status in World Politics / ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.
5. Haass, R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance // Foreign Affairs. 2008. Vol. 87, № 3. P. 44–56.
6. Schweller, R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful // Cambridge Review of International Affairs. 2010. Vol. 23, iss. 1. P. 145–163.
7. Bremmer, I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio; Penguin, 2012. P. 34, 89.
8. Waltz, K. N. Theory of International Politics. Reading: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. P. 102–128.
9. Mearsheimer, J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York; London: W. W. Norton & Company, 2001. P. 1–35.
10. Gilpin, R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 185–199.
11. Grunberg, I. Exploring the 'Myth' of Hegemonic Stability // International Organization. 1990. Vol. 44, № 4. P. 431–477.
12. Ikenberry, G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New ed. Princeton: Princeton University Press, 2019.
13. Ikenberry, G. J. The End of Liberal International Order? // International Affairs. 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23.
14. Smith, N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 1–14.
15. Nye, J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96, № 1. P. 10–16.
16. Kurlantzick, J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. London: Yale University Press, 2007. P. 5.
17. Bourdieu, P. Language and Symbolic Power / ed. by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 75, 249.
18. Weber, M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 926–939.
19. Blackwill, R., Harris, J. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge; London: Harvard University Press, 2016. P. 53, 149.
20. Farrell, H., Newman, A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. 2019. Vol. 44, № 1. P. 42–79.
21. Kennedy, S., Cheng, S. (eds.) From Rule Takers to Rule Makers: The Growing Role of Chinese in Global Governance. Bloomington: Indiana University, 2012.
22. Ringmar, E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West // Cooperation and Conflict. 2002. Vol. 37, № 2. P. 115–136.
23. Plakoudas, S. Putin, Assad, and Geopolitics // Middle East Review of International Affairs. 2015. Vol. 19, № 3. p. 34–40

24. Beeson, M. Donald Trump and Post-Pivot Asia: The Implications of a "Transactional" Approach to Foreign Policy // Asian Studies Review. 2020. Vol. 44, iss. 1. P. 10–27.

25. Phillips, C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London: Yale University Press, 2016.

26. Schweller, R., Pu, X. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline // International Security. 2011. Vol. 36, № 1. P. 41–72.

27. Souleimanov, E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria // Middle East Policy. 2016. Vol. XXIII, № 2. P. 1-10.

28. Siniver, A., Featherstone, C. Low-Conceptual Complexity and Trump's Foreign Policy // Global Affairs. 2020. Vol. 6, № 2. P. 1–15.

29. Noreng, O. Crude Power: Politics and the Oil Market. London: I.B. Tauris, 2006. P. 42.

30. Bodner, M. Why Russia Is Expanding Its Naval Base in Syria // The Moscow Times. 2015. September 21.

31. Trenin, D. What Is Russia Up To in the Middle East? Cambridge: Polity Press, 2018.

32. Wohlforth, W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War // World Politics. 2009. Vol. 61, № 1. P. 28–57.

33. Chan, S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London: Routledge, 2008. P. 1–29.

34. Kaldor, M. et al. Oil Wars. London: Pluto Press, 2007. P. 1.

35. Baldwin, D. A. Paradoxes of Power. New York: Basil Blackwell, 1989. P. 129–168.

36. Strange, S. States and Markets. 2nd ed. London: Continuum, 1994. P. 23–42.

37. Bourdieu, P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.

38. Barnett, M., Duvall, R. Power in International Politics // International Organization. 2005. Vol. 59, № 1. P. 39–75.

39. Nye, J. S. The Future of Power. New York: PublicAffairs, 2011. P. 3–24.

40. Цыганков, А. П. Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–24.

41. Сафранчук, И. А., Лукьянов, Ф. А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76.

Currencies of Power: A Conversion Theory of World Order and Its Transformation

Bezkadi Fadi

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

The subject of the article is the principal unsolved problem of contemporary international relations theory, namely the nature of world order transformation. The discipline registers the decline of a hegemon without military defeat, the rise of challengers without parity of capabilities, and the loss of explanatory force by the very concept of polarity, yet possesses no theory deriving these anomalies from a single mechanism. The aim of the work is to construct such a theory. The methodology comprises an axiomatic reconstruction of the concept of power, the formulation of laws of conversion of its forms, the derivation of theorems, and a test of the theory on two empirical corpora, namely the systemic dynamics of the post-unipolar period and the Syrian arena of Russian-American rivalry. The results are as follows. Power in international politics exists not as a single substance but as a plurality of currencies, that is, military, economic, institutional and symbolic, which are not directly interconvertible. World order is proposed to be understood not as a distribution of capabilities but as a conversion regime, that is, a stable system of rates at which the currencies of power are exchanged for one another and for political outcomes. Hegemony, in this optic, is not superiority in assets but the position of the issuer, that is, the capacity to set rates for the entire system. Four laws are formulated, namely the plurality of currencies, the issuer, rate arbitrage and rate crisis. The scientific novelty lies in proposing a theory in which the transformation of world order is conceptualised as a systemic currency crisis. The assets of powers persist while the rates of their conversion collapse, which explains decline without defeat, rise without parity and chaotisation without war. The unipolar moment is reinterpreted as a regime of fixed rates of power, and polycentricity is reinterpreted as a transition to floating rates with its inherent volatility. The theory is operationalised by a conversion matrix and five falsifiable predictions. The principal conclusion is that in the era of floating rates of power the winner is not the state with the largest assets but the state with the best position in the conversion system. The struggle for world order is a struggle for the right to set rates, not for the assets themselves.

Keywords: world order; transformation of world order; currencies of power; power conversion; hegemony; polarity; rate crisis; polycentricity; symbolic power; Russian-American rivalry.

References

1. Wallerstein I. The Decline of American Power: The U.S. in a Chaotic World. New York, The New Press, 2003, p. 27.
2. Zakaria F. The Post-American World: Release 2.0. New York, W. W. Norton & Company, 2011, pp. 88, 218.
3. Larson D. W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy. International Security, 2010, vol. 34, iss. 4, pp. 63–95.
4. Paul T. V., Larson D. W., Wohlforth W. C. Introduction. In: Status in World Politics. Ed. by T. V. Paul, D. W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge, Cambridge University Press, 2014, pp. 7–17.
5. Haass R. The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance. Foreign Affairs, 2008, vol. 87, no. 3, pp. 44–56.
6. Schweller R. Entropy and the Trajectory of World Politics: Why Polarity Has Become Less Meaningful. Cambridge Review of International Affairs, 2010, vol. 23, iss. 1, pp. 145–163.
7. Bremmer I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York, Portfolio, Penguin, 2012, pp. 34, 89.
8. Waltz K. N. Theory of International Politics. Reading, Addison-Wesley Publishing Company, 1979, pp. 102–128.
9. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York, London, W. W. Norton & Company, 2001, pp. 1–35.
10. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge, Cambridge University Press, 1981, pp. 185–199.
11. Grunberg I. Exploring the 'Myth' of Hegemonic Stability. International Organization, 1990, vol. 44, no. 4, pp. 431–477.
12. Ikenberry G. J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Rebuilding of Order after Major Wars. New ed. Princeton, Princeton University Press, 2019.
13. Ikenberry G. J. The End of Liberal International Order? International Affairs, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23.
14. Smith N. R. A New Cold War? Assessing the Current US-Russia Relationship. London, Palgrave Macmillan, 2019, pp. 1–14.
15. Nye J. S. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. Foreign Affairs, 2017, vol. 96, no. 1, pp. 10–16.
16. Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. London, Yale University Press, 2007, p. 5.
17. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Ed. by J. B. Thompson. Cambridge, Polity Press, 1991, pp. 75, 249.
18. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Ed. by G. Roth. Berkeley, University of California Press, 1978, pp. 926–939.
19. Blackwill R., Harris J. War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, London, Harvard University Press, 2016, pp. 53, 149.
20. Farrell H., Newman A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion. International Security, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 42–79.
21. From Rule Takers to Rule Makers: The Growing Role of Chinese in Global Governance. Ed. by S. Kennedy, S. Cheng. Bloomington, Indiana University, 2012.
22. Ringmar E. The Recognition Game: Soviet Russia Against the West. Cooperation and Conflict, 2002, vol. 37, no. 2, pp. 115–136.
23. Plakoudas S. Putin, Assad, and Geopolitics. Middle East Review of International Affairs, 2015, vol. 19, no. 3. p. 34–40
24. Beeson M. Donald Trump and Post-Pivot Asia: The Implications of a "Transactional" Approach to Foreign Policy. Asian Studies Review, 2020, vol. 44, iss. 1, pp. 10–27.
25. Phillips C. The Battle for Syria: International Rivalry in the New Middle East. London, Yale University Press, 2016.
26. Schweller R., Pu X. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an Era of U.S. Decline. International Security, 2011, vol. 36, no. 1, pp. 41–72.
27. Souleimanov E. A. Mission Accomplished? Russia's Withdrawal from Syria. Middle East Policy, 2016, vol. XXIII, no. 2. P. 1-10.
28. Siniver A., Featherstone C. Low-Conceptual Complexity and Trump's Foreign Policy. Global Affairs, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 1–15.
29. Noreng O. Crude Power: Politics and the Oil Market. London, I.B. Tauris, 2006, p. 42.
30. Bodner M. Why Russia Is Expanding Its Naval Base in Syria. The Moscow Times, 2015, September 21.
31. Trenin D. What Is Russia Up To in the Middle East? Cambridge, Polity Press, 2018.
32. Wohlforth W. C. Unipolarity, Status Competition, and Great Power War. World Politics, 2009, vol. 61, no. 1, pp. 28–57.
33. Chan S. China, the U.S., and the Power-Transition Theory: A Critique. London, Routledge, 2008, pp. 1–29.
34. Kaldor M. et al. Oil Wars. London, Pluto Press, 2007, p. 1.
35. Baldwin D. A. Paradoxes of Power. New York, Basil Blackwell, 1989, pp. 129–168.
36. Strange S. States and Markets. 2nd ed. London, Continuum, 1994, pp. 23–42.
37. Bourdieu P. The Forms of Capital. In: Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Ed. by J. G. Richardson. New York, Greenwood Press, 1986, pp. 241–258.
38. Barnett M., Duvall R. Power in International Politics. International Organization, 2005, vol. 59, no. 1, pp. 39–75.
39. Nye J. S. The Future of Power. New York, PublicAffairs, 2011, pp. 3–24.
40. Tsygankov A. P. Sistemnyy podkhod v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [The Systemic Approach in International Relations Theory]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki, 2013, no. 5, pp. 3–24. (in Russian)
41. Safranchuk I. A., Luk'yanov F. A. Sovremennyy mirovoy poryadok: strukturnye realii i sopernichestvo velikikh derzhav [The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalry]. Polis. Politicheskie issledovaniya, 2021, no. 3, pp. 57–76. (in Russian)